

неопубликованное интервью с Валентином Пикулем

Шок. правда. - 1990. - 20 июля

Русский Дюма

Набатом ударило в голову, ошеломило сообщение о смерти Валентина Саввича Пикуля. Ведь всего несколько дней назад я вернулся из Риги. Очень хотелось еще раз встретиться с писателем. Позвонил Антонине Ильиничне, его жене. Увы, Валентин Саввич за городом, укрывшись от всех и всех, срочно заканчивает новую вещь. Через день Антонина Ильинична сама позвонила мне: «Вам большой привет, но в Ригу Валентин Саввич вернется только через две недели. Никак не может оторваться. Вот тогда...».

Нахожусь в блокаде, где записи бесед с писателем. И как будто вчера сидим в его просторном кабинете с собкором «Правды» Олегом Мешковым. Здесь все стены закрыты книжными полками, между двумя стеллажами — узкая кровать.

— Обычно днем сплю, — говорит писатель. — невысокий, крепкий, в зеленом спортивном костюме. — А ночью пленник вот этого... — Показывает на тяжелый старинный стол посреди комнаты. Сбоку тяжелая пишущая машинка с широкой кареткой, «морская».

Чем он занят сейчас, что пишет ночами? Ответ удивляет:

— Собрал материалы о персидской нефти и генерале Ромеле.

— Будет книга?

— Не знаю. Просто увлекло. Мне необходимо что-то исследовать, в этом моя жизнь.

— А некоторые историки критикуют вас за вольное обращение с фактами.

— Я строго следую историческим фактам даже в ущерб содержанию.

Судя по книгам, Пикуля самого можно смело причислить к русским историкам, правда, без степеней. Уж они-то, со степенями, не одно поколение шпиговали нас фальшью, а о русскую историю до октября 17-го вообще ноги вытирали. Сам он увлекся минувшим неожиданно. Услышал рассказы С. Смирнова о Брестской крепости и подумал: «Так ведь он чуть-чуть приоткрыл занавес, сколько же скрыто за пеленой лет?». Первая книга историческая, которую купил, — этюды павловских времен Нелидовой. А первая собственная книга, самая любимая — «Баязет».

— А «Океанский патруль»?

— Самая неудачная. Да и вышла случайно. После разгромного доклада Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» перепуганные издатели всего боялись... А тут является этаким бравады морячок и приносит толстенную папку на ура-патриотическую военную тему. Помню, получил кучу денег, пришел в свою мансарду в Ленинграде растерянный. Даже выпивать начал от неумения собой распорядиться. Что ж, был и такой период. А потом уехал в Ригу, взялся за писательство основательно.

О наши колени трется черный «двор-терьер» Гришка. Подобрал на улице. А называл так потому, что писал роман «Нечистая сила» — о крушении империи, где фигурировал Распутин.

Шутка сказать — фигурировал. Главное лицо в четырех книжках «Нашего современника», за которыми очередь по сю пору.

— Я дал редакции почитать роман, а они самовольно вырвали куски, без моего ведома стали печатать. Вот он. — Валентин Саввич поднимает со стола два толстенных рукописных тома. — Пятьдесят печатных листов. А журнал дал малую часть, да еще выборочно. Тем самым концепцию романа нарушили. После меня стали обвинять даже в антисемитизме, что самое оскорбительное. Главное же в том, что полностью «Нечистую силу» издательства уже брать не захотели. Вот мой ориентир исторический. — Пикуль показал сборник документов и фотографий, изданный, если не ошибусь, в Берлине — «Последний самодержец».

Библиотека Пикуля необычна. В основном книги XVIII и XIX веков, самые разные, преобладает мемуарная литература, переписка известных людей России. Целую стену закрывают стеллажи с крупноформатными книгами по искусству Франции, Англии, Америки, Скандинавии, Италии, Греции... Живопись, скульптура.

— Все денежки, — говорит Валентин Саввич, — а мои гонорары коллеги-литераторы подсчитывали с большим интересом, чем книги читали, — на книги идут.

И еще — на благотворитель-

ность, но хозяин не хочет распространяться на эту тему, такую рекламу естественного желания помочь ближнему считает безнравственной.

С последнего самодержца разговор перешел на реформы Петра. Правда ли, что писатель не разделяет мнение многих историков?

— Да никакой он не великий, — отзывается Валентин Саввич. — Его реформы обошлись народу в миллионы жертв. Злодей и мучитель. Развитие русской самобытной культуры приостановил. Чужеземцы тогда плотным слоем покрыли нашу землю. Что касается реформ, то была и «альтернативная» программа, составленная образованнейшим князем В. В. Голицыным. Куда там! В угоду Сталину наша пропаганда сделала его Петром Великим.

— Валентин Саввич, у вас такая популярность в народе, многие называют вас «русский Дюма». Часто к вам звонят, приезжают наши «литературные генералы»?

— Для ССП я отшельник, никто моими делами не интересуется. Есть у меня друг, Виктор Конечский. Он часто бывает. Чужой я для наших генералов.

— А газеты, журналы...

— Не читаю, я вне политики. — И тут же приводит экспромт М. Дудина: «Давно одна напасть для всех определилась: идет борьба за власть, а не за справедливость».

Выходит, интересуется? Сам уточняет, что душой болеет за судьбу России, великого государства, которое недалекие правители довели до такого плачевного состояния.

— А что ждать читателям?

— Собираю материалы о Паулюсе.

На 20 июля Валентин Саввич наметил себе срок окончания многопланового романа «Сталинград», который посвящал погибшему здесь в боях отцу. Не закончил... А 20 июля, сегодня, в Доме офицеров Риги — гражданская панихида, прощание с писателем, одержимым благородной идеей — рассказать своим соотечественникам как можно больше о своей же истории.

Георгий ЯКОВЛЕВ.